

торических коллекциях Фонограммархива Пушкинского Дома содержится несколько фонографических цилиндров, записанных А. В. Марковым с 1903 по 1909 год. На некоторых цилиндрах зафиксированы напевы баллад Западного Поморья. Материалы представляют севернорусскую музыкально-эпическую традицию в ранних звукозаписях, имеют принципиальное значение для истории ее изучения.

В секции «Антропология памяти» прозвучали следующие доклады: Н. В. Дранниковой (Архангельск) — об исследовании дискурса потомков спецпереселенцев; Н. Б. Грамматчиковой (Екатеринбург) — о диалоге это-источников и художественных текстов, описывающих события на озере Нумто; П. С. Куприянова (Москва) — о подходах к анализу устных воспоминаний горожан в краеведении, антропологии и фольклористике; Н. Н. Рычковой (Москва) — о конструировании истории сакральных мест; Е. В. Аброськиной (Санкт-Петербург) — о сфэсери Туниса как средстве актуализации памяти.

В докладе Н. С. Петровой (Москва) «Колхозы в ожиданиях и воспоминаниях русской деревни: от эсхатологии к „золотому веку“» на материале письменных источников конца 1920-х — 1930-х годов (информационные сводки, «письма во власть», мемуары) и современных экспедиционных записей (1990–2000-х годов) из архива Лаборатории фольклористики РГГУ была рассмотрена смена нарративных моделей в рассказах о колхозах. Если начальные процессы коллективизации, связанные с масштабными изменениями в социально-экономической жизни страны и сломом «старого порядка», в неподцензурном советском фольклоре вызвали всплеск эсхатологических предсказаний, то фиксируемые в постсоветское время воспоминания о прежней колхозной жизни часто содержат мотивы социально-утопиче-

ских легенд, локализирующих в прошлом период социально-экономического благоденствия.

В секции «Фольклор и литература: проблемы взаимодействия» прозвучало несколько докладов. С. А. Жадовская (Санкт-Петербург) обратилась к теме «От народной песни „на местном материале“ к песням и стихам о родном крае: эволюция и трансформация жанра „песни о городе“ в севернорусской традиции» и рассмотрела несколько песен, записанных в Кадниковском уезде Вологодской губернии в середине — второй половине XIX века (по материалам архива РГО). Они являются связующим звеном между жанрами «оды городу» (известен в севернорусской традиции с конца XVIII века) и «песни о городе». Последний стал чрезвычайно популярен в культурном пространстве малого севернорусского города преимущественно во второй половине XX — XXI веке.

Доклад А. В. Коровашко (Нижний Новгород) «Варвара Малахеева-Мирович как поэтист-символист, потомственная „знающая“ и практикующий слагатель заговоров и заклинаний» посвящен феномену индивидуального «заговоротворчества», связанному с личностью Варвары Григорьевны Малахеевой-Мирович (1869–1954) — поэта, прозаика, критика, переводчика и мемуариста Серебряного века. Создававшиеся ею стихотворные заговоры представляли собой не стилизации, не парафразы уже известных текстов, а вполне реальные инструменты манипулирования действительностью, использовавшиеся автором в собственной целительской практике.

В рамках заключительной дискуссии выступили ведущие секций и подвели итоги конференции.

© Н. Г. Комелина

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-265-268

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТАРОСТЬ КАК СЮЖЕТ»

9–10 апреля 2020 года состоялась Девятая международная научная конференция научного проекта «Время как сюжет» (начато в 2012 году): «Старость как сюжет». Ранее в проекте рассматривались категории «прошлое», «настоящее», «будущее», «вечность», «мгновение», «безвременье», «юность», «зрелость». Организаторами выступили кафедра истории и теории литературы Тверского государственного университета и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Участники научного форума занимались исследованием сюжетного потенциала индиви-

дуального времени. На предшествующих конференциях анализировались «вторичные проявления» (фиксации представлений об истории), формы «спасения достоверности», модели конструирования будущего и сегментации времени. Проблема репрезентации времени и сюжетного потенциала временных категорий остается наиболее важной для организаторов проекта.

Категория «старость» связана и с представлениями о «мгновении» и «вечности», «прошлом» и «будущем», и с представлениями о «юности» и «зрелости». Выход за пределы

масштабных линейных и циклических моделей позволяет рассмотреть значимые аспекты времени на микроуровне. «Старость» рассматривается чаще всего как этап подведения итогов, как «золотая осень» или «закат». Подобный подход возможен и в оценке развития государства/нации, цивилизации, человечества. На протяжении столетий менялись возрастные границы «старости», менялись характеристики, которые с ней связаны, каждая эпоха предлагала свои нормы и сюжеты. Условность подобных классификаций позволила участникам конференции предложить собственные трактовки и концепции. Своим мнением по этим вопросам на конференции поделились представители научного сообщества — филологи, философы, культурологи, киноведы, театроведы, исследователи визуальных искусств. В конференции приняли участие специалисты из разных регионов России, а также из Казахстана и Китая.

К сожалению, в этом году ситуация в мире продиктовала особые условия, и оргкомитет принял решение провести конференцию в новом экспериментальном формате блога (starost2020.blogspot.com), что позволило участникам и «слушателям», среди которых были и молодые исследователи, в течение месяца читать и комментировать доклады. Как итог — отсутствие регламента дало время на размышления, на вдумчивое чтение, а также на развернутые вопросы и ответы. Стоит отметить, что блог поспособствовал оживленным и продуктивным дискуссиям к каждому из докладов, что редкость для конференций, обычно проводимых в «живом» формате. В докладах пленарного заседания были обозначены основные направления работы: старость биологическая, социальная и моральная, старость в искусстве (в музыке), старость как архетип личности, старость в хорроре. Далее исследователи обсуждали ценность и самосознание старости, старость как категорию временную и творческую, как составляющую характера, а также как сюжетную функцию.

Пленарное заседание открыл В. А. Кошелев (Арзамас); его доклад «Чего тебе надобно, старче?..» был посвящен пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке». Исследователь отметил, что сказка является исключительным памятником чуткости Пушкина к «подлинно-русской национальной стихии»; поэт задумывал этот текст в рамках цикла «Песни западных славян». Возраст главного героя, в отличие от исходной сказки братьев Гримм, оказывается совершенно иным, а податливость «старика» становится неким аналогом мудрости.

С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) в докладе «„Старость“ у И. А. Гончарова: биологическая, социальная и моральная» поднял вопрос о трех категориях «старости» в жизни и творчестве писателя, которые также могут накладываться друг на друга. Докладчик проанализировал гончаровские высказывания, сохранившиеся в творческом и эпистолярном наследии, и отметил особенности «стариков»

и старшего поколения в контексте традиционной русской литературы XIX века.

Музыкальный аспект «старости» рассмотрел С. В. Фролов (Санкт-Петербург) в докладе «„Старость“ в русской музыке, или Парадоксы творчества периода „Старости“ П. И. Чайковского». «Старость», по предположению докладчика — это образ старины через звуко-изображение древности, иллюстрация в музыке старости персонажей и старость композиторов в их сохранении творческой способности в преклонном возрасте.

И. В. Мотеюнайте (Псков) проанализировала традиционную формулу «старик и старуха», обратившись к роману Е. Катишонок, созданному в рамках «нового реализма». В докладе «Старость как архетип личности в романе Е. Катишонок „Жили-были старик со старухой“» исследовательница рассматривала, как обозначение «старик со старухой» из пушкинской сказки применительно к современности трансформируется из возрастного в личностное.

Пленарное заседание завершилось докладом А. Ю. Сорочана (Тверь) «„Страшный старик“: „Третий возраст“ в лавкрафтианском хорроре». Докладчик обратился к категории старости в хорроре Г.-Ф. Лавкрафта и противопоставлению Старцев и Великих Древних в сочинениях последователей писателя, а также к постмодернистским упражнениям на темы классики ужаса. Первое заседание стало логичным продолжением этого доклада и было посвящено старости фантастической. П. С. Громова (Тверь) продолжила тематику старости как аналога страшного и ужасного. В докладе «Инфернальная старость: образы стариков в русской романтической повести» исследовательница отметила в избранном ею материале тенденцию изображения старости как страшного, противоестественного явления.

А. Б. Танхилевич (Москва) в докладе «Живые и мертвые старики у Исаака Бабеля» на основании краткого обзора нескольких рассказов писателя подчеркнул, что старики являются не только частью художественного мира, но также и движущей силой сюжета. Фигура старика в мире новелл Бабеля наделена большой значимостью и силой, так как сочетает в себе функции отца, защитника, спасителя, учителя.

К теме «молодого» старика и «неожиданной» старости обратился Я. Д. Чечнёв (Москва) в своем докладе «„Мгновенный старик“ в романе Константина Вагинова „Гарпагоняна“ (к вопросу о «возвращенной молодости»...)». Мотив старости как «времени, обернувшегося вспять» в своем докладе «Если бы старость могла...», посвященном поздней литературной готике, продолжила А. А. Липинская (Санкт-Петербург). В заключительном докладе «фантастического» заседания «„Вторая жизнь“ — возвращение в собственное прошлое как новый тренд хронофантастики» А. М. Лобин (Ульяновск) подвел своеобразный итог развитию темы «юного» старика.

Следующее заседание было посвящено старости поэтической. О. А. Кузнецова (Москва) в исследовании «Категория „временной“ старости в русской культуре XVII века» показала старость просветленную, запечатленную и в иконописи, и в словесности. Ю. М. Никишов (Тверь) в докладе «Старость в творческом сознании Пушкина» убедительно продемонстрировал, что поэт повстречался с «духовной» старостью на заре своей жизни, и эта тема в дальнейшем оставалась на периферии его творчества. С. В. Галантинская (Москва) в сообщении «Функционирование мотива старости и старения в „Стихотворениях в прозе“ И. С. Тургенева и „Крохотках“ А. И. Солженицына (на примере анализа миниатюр «Старик» и «Старение»)» подробно рассмотрела, насколько различия в функционировании мотива старения обусловлены социально-психологическими факторами, а также особенностями мировоззрения и творческого метода писателей. В заключительном докладе этого блока «„И подумать только, это навсегда“: мотив старости в лирике Б. Рыжего» Е. А. Пастернак (Москва) обозначила важность темы старости в творчестве популярного поэта.

Первое заседание второго дня конференции-блога было посвящено аксиологии старости. В докладе А. А. Рыбаковой (Тверь) «„Горе тому, у кого ее не будет под старость!“: Роль „старой сказки“ в жизни героев хроники „Соборяне“ Н. С. Лескова» рассматривались важные функциональные особенности «старого времени» в творчестве писателя.

Мотивам старости в связи с историей старообрядчества был посвящен доклад С. С. Царгородцевой (Ялта) «Старость и молодость: два нравственно-религиозных этапа в истории старообрядчества (по роману Г. Д. Гребенщикова «Чураевы»)». В. А. Поздеев (Вятка) в своем сообщении «Репрезентация старости и времени в рассказе М. Горького „Одинокий“» проанализировал религиозно-философский подтекст произведения, в котором писатель пытается через судьбу старого человека показать медленное течение времени и приближение к смерти. А. Е. Новиков (Череповец) подробно рассмотрел образы деревенских стариков в докладе «Образ старости в трилогии В. И. Белова „Час шестый“».

Проблематика времени и судьбы также стала объектом исследования С. М. Пинаева (Москва) в докладе «Старость как крушение иллюзий в драматургии Ю. О'Нила». По мнению драматурга, человек утрачивает радостное ощущение жизни, так и христианскую веру в Бога. На смену им пришел «невидимый полубог нового материалистического мифа — Успех», материальное благополучие.

О. С. Карандашова (Тверь) исследовала «Старость детскими глазами» на примере романа «Вафельное сердце» современной норвежской писательницы Марии Парр — и показала, как образ старика в современной детской литературе трансформируется из типично дряхлого, отошедшего от всех дел наставника

в такого же озорного, веселого, шаловливого, как и главный герой, ребенка, но при этом ребенка мудрого умом и сердцем.

Следующее заседание было посвящено социопэтике старости, и в первом докладе «Старость в радости. Символическое назначение образов стариков в драматургии и на сцене японского комического театра Кёгэн» Л. П. Тимофеева (Москва) раскрывала тему старости не только в ключе обрядово-игровой культуры, но также в контексте традиционных синтоистских верований, ритуалов и культуры обожествления предков. Исследовательница Ли Цун (КНР) в своем сообщении «„Старость“ Китая во „Фрегате «Паллада»“ И. А. Гончарова» отметила, что Китай «состарился» в отрочестве, но также у государства появляются признаки перехода в следующую стадию, что позволяет говорить о неоднозначности его возраста.

По замечанию автора доклада «Старость как сюжет житнетворчества В. А. Жуковского» Н. Е. Никоновой (Томск), в переписке поэта преобладают высказывания о старости как времени, которому подобает смена слога и обретение религиозно-философского дискурса. В целом же старость оказывается в спектре негативной аксиологии как нежелательная пора, вынуждающая к изменениям в человеке, его характере, его жизни и его творчестве.

Иной ракурс рассмотрения проблематики старости в контексте кружка мистически настроенных аристократов содержался в докладе «„Привет от старухи в скалах“, или Осень пэтистик (как Анна Голицына и Варвара-Юлия Крюденер созидали «культуру старости» кнудом, Евангелием и винодельческой революцией)» А. П. Люсого (Москва).

О «Старости в „Вишневом саде“» рассказал в своем выступлении Ю. В. Доманский (Москва). Исследователь показал, что старость в пьесе представлена обширно: и в системе персонажей (сценических и внесценических), и в пространстве (через предметный мир), и во времени; как в репликах, так и в паратексте.

Е. В. Воскобоева (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о соотношении старости человека и мира в дневниках Е. Л. Шварца 1940-х гг.» отметила, что понятие старости в творчестве Шварца (публицистике и художественных текстах) связано, прежде всего, со «временем» и является одной из важнейших онтологических категорий, определяющих его поэтику.

Заключительное заседание открылось докладом И. Е. Мелентьевой (Москва) «„Старушка вязала чулок и косилась на нас через очки...“: Женские рукоделия старости у И. С. Тургенева», в котором докладчица выделила основные особенности изображения тургеневских старух и старушек в контексте возраста, внешних данных, повседневных занятий. Д. Д. Николаев (Москва) в докладе «Старость как функция: образы стариков в прозе молодого Бунина» отметил, что старость у Бунина является ключевой, определяющей характеристикой персонажа и производной от молодости/зрелости. Развитие темы старости в поэтическом наследии

И. А. Бродского представил О. И. Федотов (Москва) в своем исследовании «Обращение „старик“ и предчувствие старения в стихотворном эпистолярном Иосифа Бродского»; в посланиях Евгению Рейну выстраивается довольно сложная картина старости — от «бытового» обращения «старик» к литературным аналогиям. О. Н. Турышева (Екатеринбург) в докладе «Самосознание и ценность старости в романе А. Мердок „Сон Бруно“» рассказала о позитивности заглавного явления, несмотря на весь его физиологический ужас.

Старость рассказчика в своем выступлении «Особенности повествования в романе Эммы Хили „Найти Элизабет“: проблема возрастного рассказчика» показала Е. В. Барина (Нижегород). В заключительном докладе второго дня «„Скупая“ старость: пушкинские традиции в рассказе Вс. Соловьева „Старик“» С. А. Васильева (Тверь) рассмотрела основную проблематику обозначения образа старости в русской литературе XIX века, связанную со многими устойчивыми ассоциациями: мудрость, одиночество, стремление жить в соответствии с традициями, боязнь перемен, консервативность.

В общей сложности на конференции было представлено 46 докладов; мероприятие завершилось подведением итогов. Организаторы и участники выразили мнение, что новый фор-

мат удался вопреки обстоятельствам и конференция, посвященная «старости», прошла в «молодом» формате. Особое внимание исследователей в этот раз привлекли два направления, в которых и велась основная работа, — это «фантастическая старость» и «поэтическая старость». Второй случай не требует особых комментариев — действительно, в поэзии эта временная категория занимает совершенно особое место. Но старость порождает сомнения, статус этого сегмента «индивидуального времени» — дискуссионный. Сомнения могут касаться фигуры рассказчика или статуса героя, и если трактовать понятие «фантастика» достаточно широко, то старость — едва ли не самая фантастическая из категорий, фиксирующих индивидуальное время. Старость становится во всех смыслах временем сомнений и, в отличие от юности и зрелости, открывает новые возможности для осмысления и описания, связанные с «приостановкой недоверия» или, наоборот, усилением этого самого недоверия.

Изучение репрезентаций индивидуально-го времени в литературе будет продолжено, а по материалам данной конференции традиционно планируется издание сборника научных статей.

© А. А. Елкина

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-268-271

СЕДЬМАЯ АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВСЕ ЗАПРЕТЫ МИРА: ТАБУ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»

27–28 апреля 2020 года состоялась международная междисциплинарная научная конференция, проходящая в рамках проекта «Неканоническая эстетика», который посвящен исследованию неклассических эстетических категорий.¹ На этот раз исследователи обратились к категории «запрета», «табу» и рассмотрели его репрезентации в различных видах искусства. Организаторами конференции традиционно выступили сотрудники ИРЛИ РАН, Псковского государственного университета и Тверского государственного университета: С. В. Денисенко, А. О. Дёмин, И. В. Мотеюнайте, А. Ю. Сорочан. Формат блог-конференции (www.tabu2020.blogspot.com) позволил не только преодолеть запрет на личные встречи

(из-за пандемии были запрещены публичные мероприятия), но и дал возможность спокойно ознакомиться с представленными материалами, корректно и ясно изложить вопросы и замечания, участвовать в дискуссии до исчерпания темы, а не до окончания отведенного времени, всегда ограниченного на очных конференциях.

Оргкомитет предложил исследовать следующие темы: описание табу/запрета в литературе и искусстве; табу и «желание» в древнем и новом искусстве; молчание/умолчание, код/шифр и запрет; способы и приемы моделирования, описания и оценки «запретного» в литературе и искусстве; этическое, сакральное и запретное; прагматика запрета в знаковых системах. Участники попытались выявить особенности понятий «табу» и «запрет» применительно к различным системам культуры и искусства; способы преодоления, игнорирования и нарушения запретов; понять, почему, как и кем в разные эпохи и в разных сообществах запреты создаются.

¹ Проект начался в 2014 году. Сборники «Неканоническая эстетика» (Вып. 1–6) размещены на сайте Пушкинского Дома: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/неканоническая-эстетика>; дата обращения: 31.01.2021.